

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 9:930.1

Тихонов В.В.

Московский государственный областной университет

ВНУТРИКОРПОРАТИВНЫЕ КОНФЛИКТЫ В СРЕДЕ ИСТОРИКОВ КАК КАТАЛИЗАТОР ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КАМПАНИЙ ПОСЛЕДНЕГО СТАЛИНСКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Аннотация. Статья посвящена роли внутрикорпоративных конфликтов в среде советских историков в годы идеологических кампаний последнего сталинского десятилетия. В качестве примеров приводятся конфликты И.И. Минца и А.Л. Сидорова, Б.Ф. Поршнева и Н.А. Сидоровой, «историков» и «архивистов» в Историко-архивном институте. Делается вывод о том, что внутрикорпоративные конфликты становились катализаторами идеологических кампаний, превращая их нередко в форму сведения счетов, борьбы за научное и административное влияние и т.д.

Ключевые слова: советская историческая наука, идеологические кампании, внутрикорпоративные конфликты, советские историки.

V. Tikhonov

Moscow State Regional University

INTERNAL CONFLICTS AMONG HISTORIANS AS A CATALYST FOR IDEOLOGICAL CAMPAIGNS OF THE LAST STALIN'S DECADE

Abstract. The article is devoted to the role of internal conflicts among Soviet historians in the years of ideological campaigns of the last Stalinist decade. As examples the author analyses the conflicts between I.I. Mintz, and A.L. Sidorov, as well as between B.F. Porshnev and

---

© Тихонов В.В., 2015.

N.A. Sidorova, between the “historians” and “archivists” in Historical-Archival Institute. The author concludes that internal conflicts became catalysts for ideological campaigns, often turning them into the form of vengeance, the struggle for scientific and administrative influence, etc.

Key words: Soviet historical science, ideological campaigns, internal conflicts, Soviet historians.

Сообщество историков середины XX в. – сложное и противоречивое явление. В такой среде неизбежны конфликты, борьба за лидерство как в интеллектуальной, так и в административной сфере. Послевоенный СССР в 1940-е г. сотрясла череда идеологических кампаний (дело КР, борьба с «буржуазным объективизмом», «безродным космополитизмом» и др). Внутрикорпоративные конфликты были в них важным элементом, добавляющим динамики и агрессии в идеологические погромы.

Их изучение не только способствует объяснению причин активности тех или иных ученых друг против друга, но и показывают напряженность и неоднородность самой среды историков. К сожалению, конфликты как естественный и обыденный элемент жизни научного сообщества редко становятся предметом исследования [8; 13]. Между тем, известный французский социолог П. Бурдьё, предложивший теорию «научного поля», где поле – система из отдельных личностей, научных школ, институтов, которая развивается по специфическим законам власти и подчинения, считает внутрикорпоративные конфликты обязательным элементом развития науки. Деятельность ученых в данной концепции описывается по аналогии с поведением участников рыночных отношений, борющихся за капитал. Только в среде ученых борьба идет за символический капитал (авторитет, административные посты и т.д.), позволяющий вер-

бовать сторонников (учеников) и навязывать научному сообществу свое мнение [2]. Теория П. Бурдьё при учете специфики советского общества применима и к изучению истории советской исторической науки.

Конфликты пронизывали всю корпорацию советских историков, возникали практически во всех сферах их жизни. Они могли быть на личностном уровне (вражда двух и более историков), институциональном (соперничество институтов), групповом (между школами и группами). Особой формой являлся конфликт партийных и беспартийных. В данном докладе остановимся на личностных конфликтах.

Конфликты длились годами и часто имели давние причины. Одним из них является соперничество И.И. Минца и А.Л. Сидорова. Пути в науке Исаака Израилевича Минца (1896-1991) и Аркадия Лавровича Сидорова (1900-1966) были схожими. Оба были слушателями Института Красной профессуры, где учились у М.Н. Покровского, затем активно работали как преподаватели. Карьера И.И. Минца была успешнее: он быстро занял ключевые посты в руководстве исторической наукой. А вот путь А.Л. Сидорова был извилистее: в 1935 г. он был даже исключен из партии, но в следующем году его восстановили [3, с. 731-732]. Когда дело А.Л. Сидорова рассматривалось в Центральном комитете комсомола, то на одно из заседаний пригласили И.И. Минца, как человека знакомого с ним лично, видимо, он должен был дать ему

характеристику. Но И.И. Минц не пришел, что А.Л. Сидоров расценил как проявление трусости [14, с. 398]. Давая оценку И.И. Минцу, он впоследствии писал: «Он оставлял впечатление человека, склонного влиять, говорить в лицо одно, и за глаза делать другое, личной храбростью и мужеством он не отличался, зато способность собирать своих людей, группировать их, поддерживать лиц определенной национальности несомненна» [14, с. 399-400]. Очевидно, что между двумя историками с самого начала сложились напряженные личные отношения.

В 1940-е гг. И.И. Минц занимал практически монопольное положение в изучении истории советского общества. Он был академиком, возглавлял наиболее крупные исследовательские проекты, авторские коллективы учебных пособий. Его ученики (среди которых наиболее заметную роль играли Е.Н. Городецкий, Э.Б. Генкина, И.М. Разгон) вели занятия по истории советского периода во всех престижных вузах Советского Союза. Амбиции А.Л. Сидорова также были велики: он стремился занять лидирующие позиции в советской исторической науке, чему мешал, в первую очередь, И.И. Минц.

В своих действиях А.Л. Сидоров опирался на молодых, идеологически проверенных (партийных) соратников, часто бывших фронтовиков: «Многие из учеников А.Л. Сидорова были бывшими фронтовиками... По сравнению со своими «зелеными» товарищами, не прошедшими школы войны, они обладали значительным жизненным опытом и твердо знали, чего хотят. Большинство из них были членами партии. Очень быстро фронтовики заполнили почти все выборные

партийные, комсомольские и профсоюзные должности, а также аспирантуру. Они хотели учиться и получать знания, но они считали себя по праву первыми претендентами на освободившиеся вакансии. Вакансий же было немного...» [11, с. 304-305]. Разгром «группы Минца» позволял сторонникам А.Л. Сидорова занять лидирующее положение в изучении советской истории, самого престижного направления исторической науки. Антисемитские нотки проходивших проработок прекрасно подходили для этих целей, поскольку сам И.И. Минц был евреем, а среди его учеников много было лиц еврейской национальности.

25 февраля 1949 г. в Институте истории прошла сессия, на которой В.Т. Круть и Х.Г. Аджемян потребовали искоренить антипатриотические настроения в среде советских историков. Главными носителями этих настроений назывались Н.Л. Рубинштейн, И.И. Минц и «их защитник и покровитель» Е.Н. Городецкий [6, с. 548]. Вскоре заседание прошло в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). На нем прозвучал доклад заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации Ф.М. Головенченко «О задачах борьбы против космополитизма на идеологическом фронте» [1, с. 28]. «Несколько часов подряд высокие чины, а потом и преподаватели в унисон ругали «космополитов», которые «пробрались» в историческую науку, окопались на истфаке МГУ, разлагают молодежь». Особенно досталось И.И. Минцу. Прозвучал призыв «забить последний гвоздь в крышку политического гроба Исаака Минца и его прихвостней – Разгона, Городецкого, Звавича, Зубока...» [9, с. 122].

Центром антикосмополитической борьбы стал исторический факультет МГУ, где главным оратором был А.Л. Сидоров. Именно на разгром «команды» Минца был направлен основной удар критики. 3 марта 1949 г. прошло партийное собрание исторического факультета, где Сидоров выступил с разгромной критикой «группы Минца». В своем докладе он указал на недопустимость проникновения «буржуазного безродного космополитизма» в историческую науку, поскольку «в современной обстановке идеи буржуазного космополитизма в науке... являются идеологическим оружием американского империализма»¹. В чем же заключался «грех» космополитизма? «Всякое протаскивание идей буржуазного космополитизма в историческую науку, принижение роли русского народа в мировой истории..., стремление ослабить чувство советского патриотизма, принизить достижения советского хозяйства, советской культуры, советской науки – являются проявлением враждебной деятельности против нашей Родины в интересах врагов нашей социалистической страны»², – громкогласно заявил Сидоров. Заметим, что при желании каждый мог быть подведен под эти обвинения.

И.И. Минц, по мнению Сидорова, – зримое проявление всех перечисленных пороков, «наиболее типичный выразитель и проводник взглядов буржуазного космополитизма»³. Ошибок у Минца слишком много, чтобы это было случайностью: искажение фак-

тов, «смазывание значения октябрьской Социалистической революции, как в исторических судьбах нашего народа, так и в истории всемирной». Были и более страшные преступления: «Важнейшие вопросы, поставленные товарищем Сталиным по истории советского общества, товарищ Минц в своей работе не отразил»⁴. И, наконец, касаясь статьи «Ленин и развитие советской исторической науки», Сидоров говорил, что «венцом надругательства над советской наукой, над трудами Ленина и Сталина, является совершенно недопустимое вражеское заявление, что основоположниками по изучению советского периода являются Разгон, Городецкий и др... Ни Ленин, ни Сталин, ни их работы являются основным фундаментом научной истории советского периода, а работы Минца и членов его группы»⁵. Справедливости ради заметим, что в самой статье всячески выпячивается значение работ Ленина и Сталина, а такие далеко идущие выводы делаются на основе всего двух слов о работах Е.Н. Городецкого, Э.Б. Генкиной, И.М. Разгона, Н.А. Корнатовского, О.А. Шекун, которыми, как написано в тексте, «положено начало» изучению советской истории. Очевидно, что это лишь повод.

«Группа Минца» была обвинена в монополизации изучения и преподавания истории советского периода. Более того, по словам Сидорова, она сознательно тормозила становление молодых кадров специалистов по советской истории. 15 марта в стенгазете исторического факультета появилась статья, где звучал призыв «до конца

¹ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 632 (А.Л. Сидоров). К. 21. Ед. хр. 2. Л. 151.

² Там же.

³ Там же. Л. 154.

⁴ Там же. Л. 159.

⁵ Там же. Л. 162-163.

искоренить космополитизм в исторической науке – Минца, Разгона, Городецкого, Верховеня и др.» [7, с. 147].

И.И. Минц лишился всех руководящих постов, в качестве ссылки его назначили заведующим кафедрой в Московском педагогическом институте. А.Л. Сидоров стал заведующим кафедрой истории СССР МГУ, в 1953 г. он был назначен директором Института истории АН СССР. В дальнейшем Сидоров характеризовал И.И. Минца как «паразитический тип» и признавал своей заслугой то, что «выставил его из университета» [14, с. 400-401].

Впрочем, на выборах в члены-корреспонденты АН СССР Сидорова провалили, несмотря на выделенную специально для него вакансию: в научном сообществе признавался не только язык власти, но был и свой «гамбургский счет». До кончины Сидорова в 1966 г. отношения между двумя историками были напряженными. Сидоров сумел на время оттеснить Минца от академического Олимпа, но самому туда забраться ему так и не удалось.

Еще один конфликт потряс мир советских медиевистов. В центре него оказался неординарный историк Б.Ф. Поршневу. Пристальное внимание вызвала его докторская диссертация «Народные восстания во Франции перед Фрондой 1623-1648 гг.», защищенная в 1940 г. Множество авторитетных медиевистов и специалистов по истории Нового времени не принимали ее из-за слишком, по их мнению, явного уклона в теоретизирование в ущерб научной точности и обоснованности [15]. Например, участвовавшая в обсуждении рукописи книги Поршнева ленинградский медиевист А.Д. Люблинская заявила, что «в книге Бориса

Федоровича... нет ни одной добросовестной страницы» [4, с. 26].

Сложные и явно неприязненные отношения сложились у Б. Ф. Поршнева и с Н.А. Сидоровой, занимавшей многочисленные ключевые посты: секретаря парторганизации, заведующей научным центром, убежденной коммунистки, последовательно следовавшей линии партии. По воспоминаниям Е.В. Гутновой, Сидорова даже выглядела соответствующим образом: «...Ни дать ни взять комиссар времени гражданской войны, аскетичная в одежде и прическе, словно боясь показаться красивой, она сохраняла облик женщины двадцатых годов, считала все удобства жизни, а может быть, и ее радости, признаком мещанства» [5, с. 328]. Она резко контрастировала с импозантной профессурой, предпочитавшей стиль, близкий к классическому дореволюционному. В данном случае идейность и некоторая романтическая преданность советским идеалам выражалось и во внешнем виде Н.А. Сидоровой.

Фигура Сидоровой оценивается по-разному. Так, Е.В. Гутнова считает ее человеком принципиальным и порядочным, отмечая печать времени, лежавшей на ней [5, с. 328-335]. Негативно, при этом признавая реальную помощь с ее стороны, о Сидоровой отзывался А.Я. Гуревич: «Она персонализировала новый курс в исторической науке, оттеснила прежних виднейших медиевистов, заменила их новыми людьми, воспитала их (о, нет, не в научном отношении!)... В пределах медиевистики именно Н.А. Сидорова способствовала больше, чем кто-либо, вырождению медиевистики в Москве...» [4, с. 40]. Многие уважа-

емые историки ее побаивались и остерегались. Она считалась карьеристкой и женщиной властолюбивой [16, с. 59]. Очевидно, что амбиции Поршнева и Сидоровой столкнулись.

Противоборство между двумя историками регулярно всплывало на заседаниях партбюро. Так, на обсуждении 6 июля 1945 г. главы, написанной Поршневым о Людовике XIV и предназначенной для вузовского учебника, Сидорова утверждала, что «если бы весь учебник был написан в таком же стиле как эта глава, студентам было бы очень трудно учиться и невозможно сдавать экзамен. Глава не исторична. Наша историческая наука стоит на таком уровне, что в учебнике можно дать в нужной пропорции и фактологию и социологические выводы. В статье мало конкретности»¹. На что Поршневу грубо ответил, что Сидорова еще начинающий педагог и не может квалифицированно оценить качество материала и его восприятие студентами. В ходе возникшей перепалки Поршневу заявил, что Сидорова пренебрегает марксистской теорией². Для нее это было страшным оскорблением. «... Недопустимо обвинение ее в том, что она пренебрегает марксистской теорией. Она член партии и с марксистской теорией она сжилась, она является для нее мирозерцанием и пренебрегать ею она никак не может»³, – парировала Сидорова.

На сторону Сидоровой встал председательствовавший на заседании Ф.В. Потемкин. «Ф.В. Потемкин выражает сожаление по поводу чрезвычайно

неприятного инцидента – тяжелого обвинения, которое было сделано т. Поршневым по адресу т. Сидоровой. Он полагает, что выразит общее мнение всего сектора, осуждая манеру полемики т. Поршнева с т. Сидоровой и считая обвинение, брошенное т. Сидоровой, необоснованным»⁴, – зафиксировано в протоколе.

Инцидент всплыл на открытом партийном собрании, где Сидорова назвала выступление Поршнева «политической клеветой и шантажом»⁵. Партбюро решило взять это дело в свои руки. В дальнейшем Сидорова стала одним из организаторов настоящего похода советских медиевистов против Поршнева.

В Историко-архивном институте с конца 1930-х гг. сложилась особая форма противостояния между «архивистами», то есть теми, кто считал, что в институте бесспорный приоритет должен отдаваться архивоведческим дисциплинам и утилитарной подготовке работников архивной сферы, и «историками», считавшими, что студенты должны получать не только прикладное знание, но и широкую общегуманитарную, естественно в первую очередь историческую, подготовку [10, с. 269, 275]. Спор шел за часы, влияние на жизнь института, в конце концов, за влияние на студентов.

«Архивисты» были представлены В.В. Максаковым, И.Л. Маяковским, Г.Д. Костомаровым и М.Г. Митяевым. В «историки» попадали А.И. Андреев, Л.В. Черепнин, А.П. Новосельский

⁴ Там же.

⁵ Центральный архив общественно-политических движений г. Москвы. (Центральный архив города Москвы). Ф. 211. Оп. 2. Ед.хр. 5. Л. 47 об.

¹ Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 285. Л. 42.

² Там же. Л. 43 об.

³ Там же. Л. 44.

и многие другое. Особенно конфликт усилился в военные годы, когда институт возглавлял П.Б. Жибарев [17, с. 60-61]. Его заместителем по научной и учебной работе стал профессор А.И. Гуковский. «Архивисты» его неоднократно обвиняли в пренебрежительном отношении к их дисциплинам. Причем партийное бюро института взяла сторону архивистов, оказавшись в оппозиции к директору.

Конфликт выразился и в форме научной борьбы. Так, своеобразным маркером политической лояльности и принадлежности к группировкам стало отношение к наследию А.С. Лаппо-Данилевского. В военное время в Историко-архивном институте преподавало немало непосредственных учеников выдающегося историка. Например, А.И. Андреев и С.Н. Валк [17, с. 64-65]. Они всячески старались актуализировать в преподавании источниковедения и документоведения научное наследие своего учителя. 7 февраля 1944 г. должно было состояться заседание памяти выдающегося ученого. Но против выступили «архивисты» И.Л. Маяковский и В.В. Максаков. Мероприятие было сорвано [12, с. 294-296].

Особенностью конфликтов в среде советских историков являлось частое вмешательство в них идеологических органов, в особенности Отдела науки ЦК. Для решения своих проблем можно было воспользоваться связями в отделе, написать донос на противника, публично обвинить его в больших теоретико-методологических ошибках и т.д. Все это прекрасно понимали. Медиевист Е.А. Косминский оставил после себя серию карикатур на своих коллег: «Этот член-корреспондент, а затем академик хорошо видел и по-

нимал академическую элиту, всю эту камарилью, которая отплясывала свой танец под эгидой ЦК КПСС, и запечатлел их в серии рисунков, не оставляющих сомнения в том, что он про них думал» [4, с. 20]. Нужно отметить и то, что контролирующие органы активно использовали конфликты как инструмент манипулирования научно-историческим сообществом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Булыгина Т.А. Общественные науки в СССР 1945-1955 гг. – М.: Знак, 2000. – 239 с.
2. Бурдые П. Поле науки // Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М.- СПб.: Алетейя, 2002. – С. 107-140.
3. Воронкова С.В. Сидоров Аркадий Лаврович // Историки России. Биографии. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – С. 728-735.
4. Гуревич А.Я. История историка. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 283 с.
5. Гутнова Е.В. Пережитое. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 462 с.
6. Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-1950-е гг.). – Брянск: Издательство Брянского государственного университета, 2005. – 798 с.
7. Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. – 1999. – № 3. – С. 142-169.
8. Колесник И.И. Историография в контексте теории сетей // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева. Сб. ст. Т. I. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2013. – С. 105-135.

9. Лельчук В.С. Уроки Городецкого (к 90-летию со дня рождения) // Отечественная история. – 1997. – № 1. – С. 118-132.
10. Леушин М.А. Документы ВКП(б) (КПСС) как источник по истории исторической науки в СССР: 1945-1955 гг. Рукопись диссертации на соиск... к.и.н. – М., 2000. – 421 с.
11. Некрич А.М. Поход против «космополитов» в МГУ // Континент. 1981. № 28. – С. 301-320.
12. Простоволосова Л.Н. О несостоявшемся заседании памяти А.С. Лаппо-Данилевского в Историко-архивном институте (1944 г.) // Археографический ежегодник за 1994 г. М.: Наука, 1996. – С. 276-280.
13. Свешников А.В. «Вот Вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // Мир историка. Историкографический сборник. Вып. 1. – Омск: Издательство Омского государственного университета, 2005. – С. 231-261.
14. Сидоров А.Л. Институт красной профессуры // Мир историка. Историкографический сборник. Вып. 1. – Омск: Издательство Омского государственного университета, 2005. – С. 363-425.
15. Рыжковский В. Советская медиэвистика and beyond [Электронный ресурс]. URL: http://polit.ru/article/2009/09/18/ryzhkovskiy/#_ednref26 (дата обращения 25.05.2014)
16. Стам С.М. Моя жизнь, друзья и наука // Средневековый город. Вып. 17. – Саратов: Издательство Саратовского государственного университета, 2006. – С. 8-63.
17. Хорхордина Т.А. Гуманитарный университет в Москве. История идеи. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2012. – 294 с.